

Лютейс
в годы царствования
королевы Софии XIII

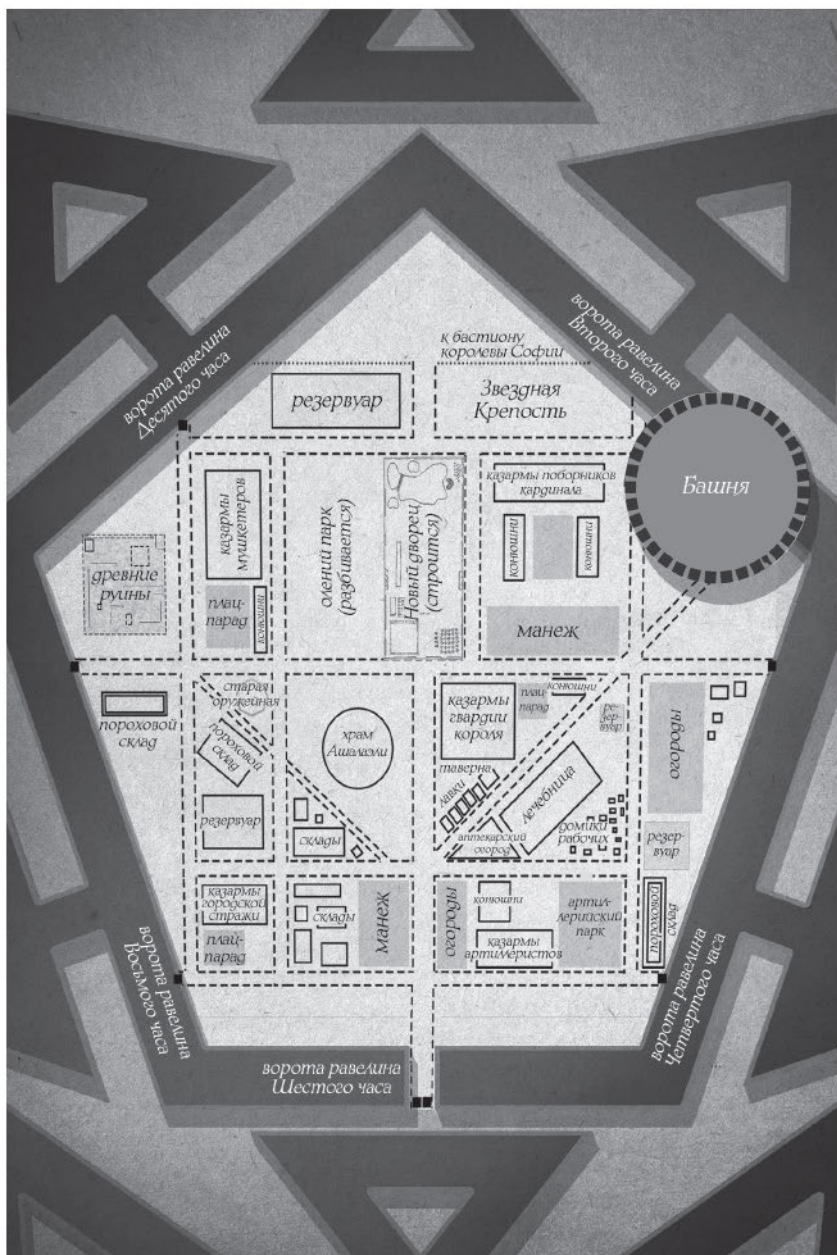
Дворец королевы в Лютейсе

дворцовые сады

водный сад королевы Луизы X

ворота рavelина
Десятого часа

ворота рavelина
Второго часа

к бастиону
королевы Софии

резервуар

Звездная
Крепость

Башня

древние
руины

казармы
мушкетеров

олений парк
(разбивается)

Новый дворец
(строится)

казармы поборников
кардинала

манеж

пороховой
склад

старая
оружейная
камера

храм
Аишахми

казармы
гвардии
короля

огороды

резервуар

склады

таверна
лекарница
домик
рабочих

резервуар

казармы
городской
стражи

склады

манеж

огороды

резервуар

ворота рavelина
Восьмого часа

ворота рavelина
Шестого часа

ворота рavelина
Четвертого часа

манеж

артиллерийский
парк

резервуар

Восемьдесят Шесть
Держав

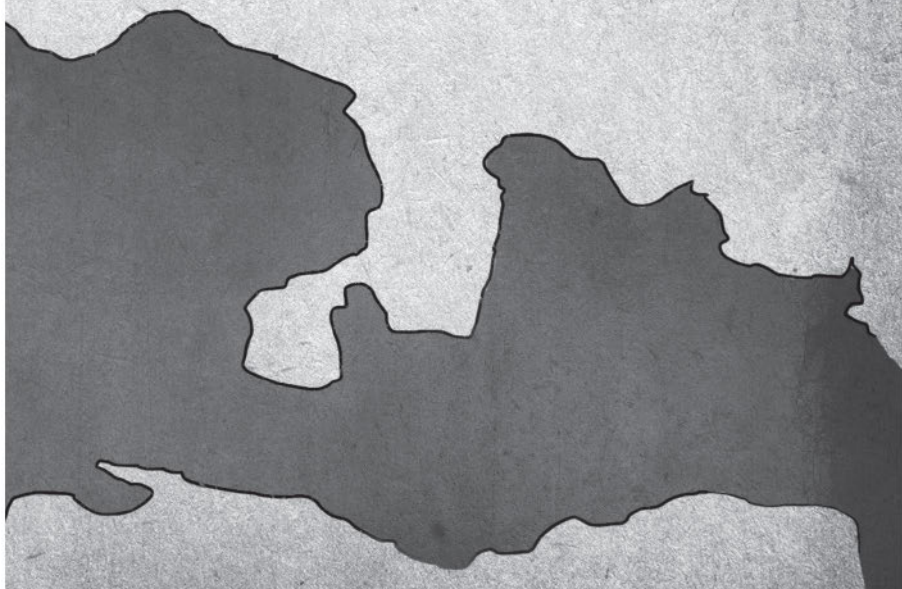
• Камурз

Тесинсон

Саранс и сопредельные территории

Звисса

Империя
Золотого Трона

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель!

«Ангел-Маг», как и все, что я написал, — книга, которую мне хотелось бы прочесть самому. На сей раз мне хотелось почитать нечто, близкое по ощущению к одной из моих любимых книг (а равно и экранизаций), но отнюдь не являющееся беспомощной имитацией!

О какой книге речь? О «Трех мушкетерах» Александра Дюма. И о моих любимейших ее киноверсиях, а это «Три мушкетера» и «Четыре мушкетера», поставленные Ричардом Лестером.

При этом писать что-то напрямую историческое я не хотел, не желая, как уже было сказано, впасть в подражание Дюма (и провалиться при этом), а кроме того, есть во мне некая жилка, требующая введения фантастического элемента. Поэтому, вслед за Дюма вдохновляясь мушкетерами, интригами и четверкой неразлучных друзей, я добавил ко всему этому...

Ангелов.

А с ними — ангельские чудеса, иконы, служащие для вызова ангелов, иконотворчество... и, соответственно, целый новый пласт магии со всем его могуществом и подводными камнями.

В своем мире я установил равноправие полов, потому что так тому следует быть; а значит, встречайте женщин-мушкетерш, кардинальш — и не только. А поскольку мне нравятся костюмы, оружие и архитектура семнадцатого века, в книге бу-

ОТ АВТОРА

дут плащи с капюшонами, красные сапоги с каблуками и пистолеты с серебряной насечкой. И конечно, дворцы, крепости и таинственные подземелья с заколдованными статуями, не говоря уже о фехтовальных поединках посреди грозы с градом... а также масках, историях соблазнения и сокровищах, запертых в железные сундуки!

Но что толку говорить о книге, когда можно взять ее и прочесть? Итак, читатель, хватайте широкополую шляпу, плотнее запахивайте плащ, шпагу в руки — и вперед, в ночь, навстречу приключениям, которые я вам предлагаю!

После чего, надеюсь, вы и другим порекомендуете «Ангела-Мага», ибо только так книги выходят в настоящую жизнь.

*Гарт Никс
Сидней, 28 ноября 2018 года*

ИЕРАРХИЯ АНГЕЛОВ

СЕРАФИМЫ

ХЕРУВИМЫ

ПРЕСТОЛЫ

ВЛАДЫЧЕСТВА

ДОБРОДЕТЕЛИ

СИЛЫ

КНЯЗЬЯ

АРХАНГЕЛЫ

Пролог

— Ваше преосвященство, нас осталось только одиннадцать, — сказала молодая стражница. Она устало опиралась на меч, от рукояти до острия покрытый серой спекшейся золой. — Полагаю, нам даже этой башни надолго не удержать...

— Одиннадцать? — переспросила кардинал Элсишерон, выглядевшая не на свои семьдесят, а гораздо древнее. Она сидела на подоконнике огромного стрельчатого окна, обращенного к югу, просто потому, что наверху колокольни сидеть было больше не на чем; почти все место занимал огромный колокол святого Дезидерия. Сейчас бронзовая громада молчала. Бить в набат не имело смысла, да и звонарей уже не осталось.

Каменная плита холодила, и Элсишерон подвернула длинный подол алого одеяния, соорудив что-то вроде подушечки. Она сидела в одном тапочке, коротко стриженную голову впервые за много лет не покрывали ни митра, ни шапочка — лишь тонкий седой пух, казавшийся еще белее на фоне глубокой черноты кожи. Когда твари неожиданно прорвались наверх через подвалы и крипты, кардиналу пришлось поспешно вскакивать с импровизированного ложа, устроенного в большом зале, и бежать, что называется, в чем была.

— Я не слышу нового приступа...

— Зольнокровные получили Омартена, — ответила стражница, употребив название, недавно приставшее к монстрам.

Девушка даже не принадлежала к домочадцам кардинала. Всего два дня назад она была самым что ни есть зеленым ре-

крутом в королевской гвардии. Когда твари захватили дворец, она вместе с выжившими ушла по реке к собору. Тот, бывший некогда крепостью, сулил зыбкую надежду на спасение. — Мы отдали им его тело...

— Этого делать не следовало, — ответила кардинал. — Мы уже убедились, что после смерти трансформации не происходит.

— Решили не рисковать, — прошептала стражница.

Она вдруг подалась вперед, карие глаза настороженно распахнулись, усталости как не бывало. Кардиналу она казалась совсем девочкой. Слишком юной, чтобы носить стальной шлем, кирасу и пистолеты за некогда голубым поясом, ныне сплошь серым от зольной крови чудовищ.

— Ваше преосвященство... как думаете, пора?

— Пора для чего, дитя мое?

— Вызвать Паллениэля! — Голос звучал напряженно, она больше не опиралась на меч, держа его наготове. — Он-то точно может навести тут порядок!

Кардинал медленно покачала головой, оглядывая с высоты город Каденц, насколько позволяла густая и низкая туча черного дыма. Пожары полыхали во множестве — поваров и пекарей зольнокровные убили у горящих печей, и унять огонь стало некому. Вот пламя и перекидывалось с дома на дом. Живых людей в городе не осталось, а монстры тушить пожары явно не собирались. Более того, один из главнейших поджогов был, по-видимому, совершен человеком — вероятно, отчаянным офицером городской стражи — в попытке удержать чудовищ на северном берегу. Где ему было знать, что те представляли собой не армию вторжения, а бывших людей. Оттого и возникали, трансформируясь, самым непредсказуемым образом.

— Магистр Торран оставила предсмертное сообщение, — сказала наконец кардинал. — Еще живые жертвы становятся монстрами под влиянием ангельской магии. Когда это бедствие лишь разразилось, слишком много магов и священников взывало к своим ангелам об исцелении либо в попытке спасти... Я сама видела, как это происходило, да и ты тоже, наверное... прости, дитя, я забыла, как тебя звать?

— Илгрэн, ваше преосвященство. Я просто к тому, что, даже если младшим ангелам не удалось что-то исправить, Паллениэль-то наверняка...

Но архиепископ лишь резче качнула головой.

— Я далеко не сразу поняла природу происходящего, Илгрэн, — сказала она. — Быть может, услышав об этих трех вещах, ты окажешься сообразительней...

Она подняла руку и стала загибать тонкие, иссушенные возрастом пальцы. Все они были отягощены иконными кольцами, иные — двумя или тремя. Каждое кольцо соответствовало ангелу, к которому могла воззвать кардинал. А лик самого могущественного хранила тяжелая икона, изваянная в золоте, которая висела на шее, удерживаемая ожерельем из S-образных серебряных позолоченных звеньев.

— Вот первое. По моему слову Эсперавиэль летала в Баррону и Тариль и далее, к началу перешейка. Она подтверждает, что эпидемия зольнокровия не выходит за границы Истары. Ни на единый ярд! Более того, ей и самой не удалось пересечь границу...

— Я не слишком сведуща в магии, ваше преосвященство, — слегка покраснела Илгрэн. Места в королевской гвардии она удостоилась не за фехтовальное искусство, не за изощренную магию — лишь в силу того, что ее тетушка служила там лейтенантом. — Я ничего не знаю об Эсперавиэль. Кто она в ангельской иерархии?

— Она из Князей и служит Паллениэлю, ведая небесами Истары, — пояснила кардинал. — По ее словам, границы замкнуты соседствующими Архангелами. На севере это Ашалаэль из Саранса, на юге — Турикишан из Менорко.

— Они что, собрались напасть на нас? Но зачем, это же...

— Нет, дитя. Это не нападение... по крайней мере, извне. Они просто замкнули границы для всех небесных созданий. Все наши границы... Слушай же! Вот второе. Эсперавиэль говорит, что видела Деву Элланды, переходившую границу в Сарансе с множеством верных. Третье же...

Старая священница умолкла, лишь тяжело вздохнула. Уронила руку на колени и вновь подняла, схватилась костлявой

пятерней за левую руку Илгрэн и с видимым трудом поднялась.

— Третье же — я воззвала к Паллениэлю еще *в самый первый день*, как только у короля кровь потекла золой... Паллениэль отозвался, но не пожелал выполнить просьбу. Лишь сказал, что и над ним есть власть.

— Что?! Но это же... это... как так? Вы ведь кардинал! Архиепископ Истары! Икону носите!..

— А Паллениэль — Архангел Истары. Вот только икона моя, древняя икона святого Дезидерия, ныне тускла и безжизненна... Разве ты не заметила? Будь в ней прежняя сила, икона Ксеррениэля на твоём шлеме звенела бы и трепетала, в такой-то близи... Я почувствовала, как коснеет икона, когда Паллениэль отступил от меня. Тогда я и спросила себя: что за силы могли наслать зольнокровие на наш несчастный народ? Что за силы могли исказить вмешательство младших ангелов таким образом, что вместо исцеления и защиты, о которых молили, случилось рождение звероловдов? Кто из сущих в Истаре мог сотворить подобное?..

— Может быть, чужие Архангелы...

— Нет, — сказала кардинал. — Здесь, в пределах Истары, Паллениэль в своем праве. Я думаю, соседствующие Архангелы лишь защищают свои земные владения от зольнокровия и чудовищ, которые оно порождает. Я даже чувствую — они посягают на нечто большее, идет борьба в небесах, борьба против Паллениэля... ибо эта эпидемия и монстры — его, Паллениэля, рук дело. Но, как всегда, ни один ангел не может посетить наш мир и вмешаться в течение событий, кроме как по зову или повелению смертного. Вот и сошлись кусочки головоломки, дитя. Кто обладает искусством и могуществом, достаточным для сотворения *новой* иконы, вызывающей самого Паллениэля? У кого хватит силы и наглости, чтобы, сотворив икону, вызвать Архангела и поручить подобное дело?

Илгрэн покачала головой и нахмурилась, недоверчиво кривя губы.

— Полагаю, — проговорила она наконец, — это может быть разве что Дева Элланды. Но зачем бы ей... такое? Зачем губить королевство? Всех нас убивать?

— Вряд ли она в самом деле такого хотела, — сказала кардинал. — Другое дело, что всякому, кто берется иметь дело с ангелами, необходима особая осторожность. Чем выше могущество, тем страшнее возможность ненамеренного ущерба... Нам следовало сообразить, к чему может привести ее талант создавать иконы и призывать ангелов... Я сказала — талант? Гений, конечно же. Однако она была... она так юна! В девятнадцать слишком рано становиться магистром или епископом. Постигать учение, тревожить высшие ангельские порядки... Впрочем, она определенно не нуждалась ни в обучении, ни в дозволении...

— Я ее разок видела. Издалека. И заметила в ее глазах особый блеск... безумный, — медленно проговорила Илгрэн. Она смотрела не на кардинала — вдаль, на объятый пламенем город. — В тот день Дева пришла со своими верными к королю, чтобы просить грамоту для основания собственного храма. Храма Паллениэля Достославного... что бы это ни значило.

Илгрэн говорила рассеянно, пытаясь переварить только что услышанное от кардинала. По сути, это значило, что на спасение рассчитывать не приходится. Если очень повезет, она доживет до рассвета... но, скорее всего, не повезет. Внизу полно монстров. Когда-то собор являлся крепостью, но с тех пор минуло больше века. На колокольне не имелось ни воды, ни съестного... а ворота внизу дышат на ладан. Пожалуй, крупным чудищам и таран не понадобится. Стоит им лишь как следует захотеть сломать непрочные створки...

— Быть может, нам следовало выдать ей грамоту, — вслух размышляла священница. — Впрочем, не думаю, что она в самом деле безумна. Скорее целеустремленная до одержимости. Мне жаль ее...

— Лилиат? Вам жаль *Лилиат*, ваше преосвященство?.. Если ваши подозрения верны, значит она умудрилась как-то совратить Паллениэля и она в ответе за все! Это она напустила на нас эпидемию зольнокровия! Она моих родителей погубила, а брата с сестрой монстрами сделала! Явись она здесь, я бы ее сейчас же убила и только порадовалась! Лишь бы меч да пуля справились с тем, во что она превратилась!..

— Что ж, полагаю, добрая сталь или пуля способны ее прикончить, пусть и с трудом... примерно как зверюлюдов, — отозвалась кардинал. — Вот только, если она впрямь держит Паллениэля на коротком поводке, шанс пустить в ход пистолет или меч тебе может и не представиться... Она наверняка и другими ангелами повелевает, притом во множестве, какое нам и не снилось... И все равно мне жаль ее, потому что, как я уже говорила, вряд ли она хотела чего-то подобного. Столь юная, столь невероятно одаренная и в то же время столь неразумная... Как все сплетено! Впору задуматься: чего же она в действительности хотела? Быть может...

Договорить ей не пришлось. Первый из монстров, взобравшихся по древней, растрескавшейся каменной кладке, перевалялся через парапет колокольной башни и обрушился прямо на спину кардиналу, повалив ее на пол. Острые когти разорвали горло старой священницы...

Илгрэн убила чудовище ударом меча и оставила клинок торчать в проткнутой пасти, а сама упала. В самом буквальном смысле. Стражница нырнула под обод исполинского колокола, чтобы броситься вниз, в пустоту башни. В последний миг ее настигло одно из чудищ. Тварь лязгала слюнявой пастью, тянула жуткие скрюченные пятерни... У Илгрэн торчал за поясом заряженный пистолет, но выстрел так и не прозвучал, потому что тварь смотрела на нее глазами Жанет. Милыми зелеными глазами младшей сестренки...

Илгрэн прыгнула вниз, даже не попытавшись схватиться за веревку. Летя навстречу смерти, она всей силой разума сосредоточилась на эфемерной надежде, подаренной взглядом знакомых глаз.

Если есть хотя бы ничтожный шанс, что для монстра возможно снова стать человеком...

ЧАСТЬ I

ЛИЛИАТ

1

Молодая женщина проснулась в полной темноте. Она лежала на холодном камне. Обшарив пространство рядом с собой, женщина обнаружила по сторонам и наверху точно такой же камень. Она пережила мгновение паники... но ужас отступил, едва она вспомнила, почему так случилось, а потом и вовсе исчез, когда она услышала голос.

Голос дышал силой и властью; она сразу почувствовала полноту бытия, почувствовала себя *живой*. Она находилась не в узилище, а в объятиях, в полной безопасности. И обнимали ее не простые смертные руки, а могучие крылья, исполненные мощи и света.

— По твоему давнему слову свершилось ожидаемое, и вот я пробуждаю тебя.

— Но как?..

Ее собственный голос надломился и сорвался. Она сглотнула. Слюна растекалась во рту и в горле впервые за... почему знать, за сколь долгое время.

Она знала, что ее бесконечно удерживали на самом краю небытия. Заглянувший внутрь могилы признал бы ее несомненно мертвой, хотя удивительная сохранность плоти любого наблюдателя ввергла бы в изумление. Однако шанс на то, что кто-либо из зевак окажется поблизости от ее гроба, оставался невелик — она позаботилась об этом, выбирая себе место упокоения: каменный саркофаг, покрытый тяжелой мраморной плитой и запечатанный свинцом.

Ей хотелось спросить, долго ли она пролежала в могиле, но этот вопрос мог подождать. Она думала лишь о том, что имело значение для ее великого плана.

— Сколько подходящих кандидатов готово?

Последовало долгое молчание. Достаточно долгое, чтобы она заподозрила — присутствие оставило ее. Однако голос прозвучал снова:

— Четверо.

— Четверо? Их должны быть многие сотни...

— Четверо, — повторил голос.

На краткое время она задохнулась от гнева. Может ли случиться, что ее планы — ее предназначение — снова обратятся прахом? Женщина сумела усмирить ярость. Пускай она и надеялась на множество возможных кандидатов, чтобы не бояться ошибок и неудач... ей вполне хватит и четверых. Да что там, даже и одного.

— Где они?

— В Сарансе, в четырех разных местах, но они встретятся. Уже скоро.

— А орден? По-прежнему существует? Ты явил им знамения, предворяющие мое пробуждение?

— Я показал знаки. Мне неизвестно, выжил ли кто-нибудь, способный узреть, и были ли ими предприняты какие-то действия. Как ты знаешь, я не в полной силе, мне мощно противятся... и лишь твоя воля привязывает меня к этому миру. Я почти желаю совершенно развеяться...

— Ты сделаешь, как я прикажу.

Она говорила настойчиво, повелительно, голос полнился природной силой и предельно собранной волей.

— Я повинуюсь. Я твой безраздельно. Я умолкаю, мой...

И голос смолк. На сей раз окончательно. Она знала: беседа не продолжится, больше не будет ни тепла, ни ощущения безопасности и любви. Не теперь. В уголках ее глаз зародились слезы, но женщина яростно сморгнула непрошеную влагу. Нет времени плакать. Ныне и впредь!

— Я люблю тебя, — прошептала она и почувствовала облегчение, как бы вернувшись к себе, к той, какой она когда-то

была. Голос обрел силу, порождая эхо внутри каменного саркофага. — Я всегда буду тебя любить. Мы будем вместе. *Мы будем вместе!*

Она ощупала свои руки. Кожа по-прежнему обладала мягкостью и бархатистой гладкостью, свойственными юности. А что еще важнее — кольца оказались на месте. Она по очереди коснулась их, ощутив в каждом легкое движение силы, и наконец выбрала последнее из девяти. Кольцо сидело на большом пальце левой руки. Сделанное из древнего электрума, оно включало овальную вставочку из слоновой кости с резным изображением человеческого лица, почти скрытого тонкими оперенными крыльями. Лицо было выполнено краской, а может, эмалью, глаза представляли собой крохотные рубины. Нимб над полускрытым лицом выглядел тонюсеньким волоском золота.

— Мазратиэль, — прошептала похороненная. — Мазратиэль, Мазратиэль, явись, ибо я нуждаюсь в тебе!

Кольцо засветилось холодным лунным светом, только поярче. Молодая женщина зажмурилась, спасая глаза, и почувствовала присутствие младшего ангела. С ним пришло ощущение тепла, но это было всего лишь желанное тепло кухонного очага в зимний день... ничего общего со всеобъемлющим чувством, что она испытывала, говоря с *ним*. Одновременно воздух всколыхнулся, словно кто-то рядом складывал крылья, и как бы издалека долетел звук одинокой струны арфы.

— Мазратиэль пред тобой, — раздался шепот, предназначенный лишь для ее слуха. — Повелевай. Все, что в моей власти, — исполню...

Женщина так же шепотом отдала приказ, и Мазратиэль исполнил все в точности.

Брату Дельфону всегда прежде нравилась успокаивающая прохлада Могилы Святой, расположенной в самой глубокой крипте под храмом. Зимой в этом месте бывало по-настоящему холодно, но ему не поручали бдений там в зимнее время после достижения им шестидесятилетнего возраста. С тех пор прошло более десятилетия; как и все причастные к ангельской